

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что нашимъ отечествомъ называется та страна, въ которой мы родились, въ которой говорятъ на нашемъ языкѣ, и граждане которой имѣють одинаковые съ нашими нравы, обычаи и законы, одно общее историческое прошлое и одинаковые идеалы.

Первая обязанность солдата, какъ гражданина, *любитъ свое отечество*. Любовь къ отечеству—естественное чувство у каждаго человѣка; у нѣкоторыхъ оно проявляется очень сильно, а у другихъ—слабо, но у всѣхъ оно можетъ быть усилено посредствомъ воспитанія. Истинная любовь къ отечеству должна быть *безкорыстна* и сильна, потому что только такая любовь можетъ побуждать гражданина и солдата служить отечеству вѣрой и правдой и быть готовымъ жертвовать для него всѣмъ, что онъ имѣеть, и даже самимъ собою. Любовь къ отечеству увеличиваетъ силу войска, такъ какъ она сообщаетъ ему единство, ставя передъ глазами солдата одинъ и тотъ же дорогой для каждаго изъ нихъ предметъ—отечество, и заставляетъ ихъ съ готовностью умирать за него. Ради своего отечества солдатъ идетъ на службу и подчиняется всѣмъ строгостямъ военной жизни; ради отечества онъ переноситъ всѣ тягости, лишенія и страданія въ мирное, а еще болѣе въ военное время; наконецъ, своему отечеству онъ отдаетъ въ бою свою жизнь и вполне мирится со смертию, вслѣдствіе сознанія исполняемаго долга.

Другая обязанность солдата, а также и гражданина, это—*покоряться законамъ своего отечества*. Подчиняясь именно этой обязанности, солдатъ поступаетъ на службу; ради исполненія той же обязанности онъ долженъ подчиняться всѣмъ распоряженіямъ, которыя доходятъ до него отъ военныхъ властей, когда онъ находится въ запасѣ, а также и требованію всѣхъ другихъ законовъ, дѣйствующихъ въ государствѣ; если бы граждане не исполняли законовъ государства, въ немъ наступили бы безпорядки и анархія и государство погибло бы. О величій любого народа можно судить по той строгости, съ которой имъ исполняются законы.

Уклоненіе отъ военной службы подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, а также побѣгъ со службы составляютъ нарушенія закона о несеніи воинской повинности. За то и за другое преступленіе болгарскій военно-карательный законъ предусматриваетъ наказанія, которыя усиливаются, если уклоненіе или побѣгъ совершены въ военное время. *Бѣгство* въ виду непріятели считается позорнымъ преступленіемъ и наказуется смертною казнью

черезъ повѣшеніе. Всѣ преступленія во время войны, которыя, очевидно, имѣли гибельныя послѣдствія для войска, а слѣдовательно и для государства, и которыя приближаются къ государственной измѣнѣ, наказуются смертною казнью.

Обязанности по отношенію къ главѣ государства. Въ абсолютно монархическихъ, а также и въ конституціонныхъ странахъ, державный глава есть верховный вождь арміи.

Гл. 11 болгарской конституціи гласитъ: «Князь (Царь) есть верховный начальникъ всѣхъ вооруженныхъ силъ княжества (царства), какъ въ мирное, такъ и въ военное время».

Верховный вождь объединяетъ всѣ вооруженныя силы и придаетъ имъ единство ихъ дѣйствій. Преданность солдата главѣ государства должна быть безусловной. Солдатъ обязанъ быть *вѣрнымъ* своему Государю, охранять его и жертвовать собою за него также, какъ и за свое отечество.

Тамъ, гдѣ любовь къ государю доходитъ до обожанія, она является новымъ источникомъ силы государства: она сообщаетъ гражданамъ мужество, а солдатамъ и безпримѣрную твердость въ бою.

Присяга. Солдатъ запечатлѣваетъ присягою сознаніе своихъ обязанностей по отношенію къ отечеству и главѣ государства.

Каждый болгарскій солдатъ присягаетъ въ силу основного закона или конституціи; «каждый, поступившій на военную службу, приноситъ присягу на вѣрность князю (царю)».

Присягою каждый солдатъ даетъ обѣщаніе передъ Богомъ, знаменемъ, обществомъ, начальствомъ, товарищами и совѣстью своей въ томъ, что будетъ вѣрнымъ своему Государю и что будетъ добросовѣстно и честно исполнять все, чего требуютъ его обязанности къ отечеству и верховному вождю. Быть вѣрнымъ присягѣ—значитъ исполнять все то, чего требуютъ отъ него упомянутыя обязанности солдата, и, наоборотъ, нарушать свою присягу—значитъ поступать противъ своихъ обязанностей. Не сдерживать даннаго слова низко и предосудительно; нарушеніе же присяги, въ какой бы то ни было формѣ; тяжкій грѣхъ предъ Богомъ и совѣстью, позорное преступленіе передъ обществомъ и закономъ.

Каждый солдатъ долженъ хранить свято и ненарушимо свою присягу.

Знамя. Знамя есть символъ (эмблема) отечества и Государя—святыня солдата; въ немъ олицетворяется достоинство народа и короны. Оскорбленіе знамени есть оскорбленіе народа и Государя, которымъ оно принадлежитъ.

Для солдата знамя представляетъ еще честь полка, его славу и боевыя отличія; оно объединяетъ въ одно цѣлое всѣхъ солдатъ одного и того же полка: уволенныхъ въ запасъ, находящихся на дѣйствительной службѣ и будущихъ. Правда, что знамя только символъ; но у человѣка есть внутренняя потребность воплощать свои вѣрованія и идеалы въ извѣстныхъ символахъ, въ извѣстныхъ условныхъ знакахъ, одинъ взглядъ на которые достаточенъ для того, чтобы вызвать въ душѣ человѣка всѣ тѣ чувства, одушевленный которыми онъ становится способнымъ къ проявленію безпредѣльной преданности и къ самопожертвованію.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ знамя считалось священнымъ предметомъ и пользовалось большими почестями; вотъ почему, всегда, какъ и теперь, большой честью считается взять непріятельское знамя и большимъ позоромъ, государственнымъ преступленіемъ—оставить свое въ рукахъ противника.

Итакъ, *солдатъ долженъ почитать свое знамя, какъ святыню, хранить его, какъ зѣнницу ока, и оставатся ему вѣрнымъ до послѣдняго издыханія*, помня, что этимъ онъ доказываетъ свою вѣрность отечеству и Государю.

За потерю знамени въ бою, если часть, которой оно вручено, не приложить всѣхъ усилій для его спасенія, лица, которыя должны были охранять его, присуждаются къ смертной казни черезъ разстрѣляніе (ст. 235 военно-карательнаго закона), а всѣ остальные, смотря по ихъ винѣ, наказуются на основаніи постановленій ст. 86 того же закона.

Обязанности по отношенію къ населенію своей страны и къ непріятелю.

1. *Къ населенію своей страны.* По отношенію къ населенію, изъ среды котораго вышелъ онъ самъ, солдатъ долженъ, прежде всего, исполнять свои обязанности, налагаемыя на него справедливостью и милосердіемъ. Но, помимо этихъ, у него есть еще и другія, частныя обязанности. Такъ, на примѣръ, солдатъ долженъ держаться съ *полнымъ достоинствомъ*, его поведеніе должно дѣлать честь мундиру, который онъ носить; онъ долженъ сохра-

пять приличіе въ своемъ обращеніи со всѣми, въ особенности же со старшими, съ женщинами, съ представителями власти и съ духовенствомъ,—однимъ словомъ, со всѣми тѣми лицами, которыя, по своему возрасту, полу, общественному положенію и службѣ, имѣютъ на то особенное право. Онъ долженъ избѣгать недостойныхъ для него мѣстъ и людей: пьяныхъ или неуважающихъ законовъ и установленнаго порядка.

Солдатъ не долженъ вмѣшиваться въ политическіе споры населенія. Вмѣшательство или активное участіе арміи въ политической борьбѣ въ странѣ всегда бывало гибельнымъ для страны. Оно не только разрушаетъ основы военной дисциплины, но и ведетъ къ военнымъ мятежамъ. Въ мирное время войска имѣютъ своимъ назначеніемъ охраненіе внутренняго порядка въ странѣ и покровительство законамъ; а разъ армія увлечена въ партійную борьбу, она можетъ пойти именно противъ существующаго порядка, противъ законовъ и державнаго вождя, слѣдовательно—противъ самаго своего назначенія. Въ такомъ случаѣ армія начинаетъ служить не порядку, а анархіи, и этимъ она сама себя упраздняетъ. Такая армія уже неспособна воевать съ внѣшними врагами. Очень справедливо сказалъ генераль *Блондель*: «солдатъ не можетъ быть судьей центральной власти, для которой онъ долженъ быть силою».

Солдатъ не долженъ обнажать оружія противъ гражданъ, кромѣ случаевъ законной защиты. Онъ долженъ покровительствовать населенію, помогать ему въ случаѣ бѣдствія, пожара, наводненія и пр. и даже жертвовать собою за него.

2. Къ непріятелю и населенію непріятельской страны. Войны варварскихъ народовъ отличались особой свирѣпостью по отношенію ко всему населенію непріятельской страны: никакой милости не оказывалось побѣжденнымъ, ни здоровымъ, ни больнымъ; производились массовыя избіенія, уводилось въ рабство населеніе, у побѣжденных отнимались всѣ ихъ богатства и т. п.—такова картина варварскихъ войнъ.

Съ теченіемъ времени между воюющими странами начали соблюдаться нѣкоторые обычаи, продиктованные чувствами законности и человѣколюбія. Появились, наконецъ, писатели и государственные люди, которые способствовали тому, что отношенія между воюющими были поставлены въ извѣстные законныя и терпимыя границы.

Въ своемъ знаменитомъ сочиненіи «*Esprit des lois*» Монтескье говоритъ: «Права народовъ несомнѣнно основываются на томъ,

что въ мирное время они должны дѣлать другъ другу насколько возможно больше добра, а въ военное—насколько возможно меньше зла».

Въ этомъ духѣ, практика выработала среди цивилизованныхъ народовъ такъ называемые *законы войны*, которые устанавливають отношенія воюющихъ на полѣ сраженія съ точки зрѣнія человѣколюбія. Они составляютъ часть *международнаго права* и имѣють силу только для войнъ между цивилизованными народами.

Между цивилизованными народами существуютъ слѣдующія соглашенія относительно способа веденія войны. Отвратительныя или варварскія средства, т. е. такія, которыя причиняють тяжкія страданія, не имѣя прямого вліянія на исходъ войны, исключаются. Въ силу этого запрещено отравлять ключи и питьевую воду вообще; запрещено умышленно распространять чуму или холеру, топтать посѣвы и разбойнически нападать на противника.

Запрещено также употреблять какія бы то ни было разрывныя пули, которыя причиняють бесполезныя страданія; бить, ранить или убивать противника, который сдается или который обезоружень.

Запрещено обирать убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ. Нарушеніе этого запрещенія наказуется статьями военно-карательнаго закона.

Запрещено снимать одежду съ раненаго, наносить ему новыя пораненія или убивать его.

Точно также запрещены и слѣдующія предательскіе способы веденія войны: нельзя злоупотреблять парламентарскимъ флагомъ; притворяться, что сдаешься, для того, чтобы неожиданно напасть на непріятеля; поднимать красный крестъ на патронныхъ и другихъ парковыхъ повозкахъ.

Непріятеlemъ считаются всѣ солдаты, которые принадлежать къ регулярной арміи, и всѣ тѣ, кто открыто носить оружіе; ихъ можно забирать, какъ военно-плѣнныхъ.

Военные соглядатаи (шпіоны), предатели и ихъ соучастники судятся военно-полевыми судами и наказуется смертью.

Женевская конвенція 22-го августа 1864 года, дополненная въ 1868 г., разсматриваетъ всѣ вопросы относительно больныхъ, раненыхъ и санитарнаго персонала. Она принята всѣми европейскими государствами. Вотъ ея главнѣйшія постановленія:

I. Лазареты, полевые госпитали и больницы, въ нихъ находящіеся, нейтральны, т. е. не воюють, противниками не считаются.

Но, разъ они охраняются войсками, они теряютъ право на покровительство.

II. Санитарный персоналъ нейтраленъ.

III. Уходъ за больными и ранеными обязателенъ, независимо отъ того, съ какой они стороны—нашей или непріятельской.

VI. Госпитали, лазареты и нижніе чины должны носить установленные знаки.

Изъ вышеизложеннаго видно, что поведеніе солдата по отношенію къ непріятелю въ бою, а также и послѣ боя, должны вдохновляться желаніемъ не причинять своему врагу страданій, которыя не требуются успѣхомъ дѣла и осуждаются челоуѣколюбіемъ.

Войдя въ непріятельскую страну, солдатъ долженъ быть не менѣе внимателенъ къ своему поведенію при своемъ обращеніи съ *мѣстными мирными жителями*. Къ нимъ онъ долженъ относиться также, какъ и къ жителямъ своей родной страны. Онъ долженъ удерживаться отъ насилія или посягательства на жизнь кого бы то ни было, долженъ уважать честь и права людей, семействъ и ихъ членовъ.

За убійство, нанесеніе пораненій и за насилія въ чужой странѣ солдатъ отвѣчаетъ также, какъ и въ своей въ мирное или военное время. Ст. 246 военно-карательнаго закона предусматриваетъ то наказаніе, которое налагается на нарушителей упомянутыхъ запрещеній.

Кражи, грабежи и разбои въ непріятельской странѣ абсолютно запрещены.

Войска должны считаться съ общественной и частной собственностью; дворъ, хотя и пустующій, покинутый, долженъ оставаться въ неприкосновенности и солдатъ не имѣетъ права присваивать себѣ или скрывать какія бы то ни было цѣнныя вещи, въ немъ находящіяся.

Имущество и вещи, принадлежащія церквямъ, училищамъ и богоугоднымъ заведеніямъ, предметы искусства и историческія сооруженія должны быть особенно оберегаемы.

Вышеупомянутыя челоуѣколюбивыя отношенія соблюдаются по отношенію къ такому населенію непріятельской страны, которое заслуживаетъ ихъ, т. е. къ мирному, не воюющему. Но, когда населеніе непріятельской страны настроено враждебно къ нашимъ войскамъ и проявляетъ пассивное или вооруженное противодѣйствіе,—противъ него принимаются такія мѣры, какихъ потребуютъ обстоятельства, можетъ быть даже самыя строгія, без-

пощадныя мѣры. Въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ ставить обезпеченіе жизненныхъ интересовъ арміи и успѣха [военныхъ операцій] выше всякихъ другихъ соображеній.

Обязанности по отношенію къ Богу.

Религія, съ одной стороны, благославляетъ самопожертвованіе солдата на защиту своего отечества, а съ другой—примираетъ его со смертью.

Вотъ почему религіозное настроеніе солдата всегда играло большую роль на войнѣ. Поддержать это настроеніе солдата болѣе, чѣмъ необходимо.

Первая изъ священныхъ обязанностей по отношенію къ Богу *искренняя вѣра* въ Него. Вѣра эта направляетъ духовныя силы каждаго къ добрымъ дѣламъ.

Вторая обязанность—*любовь* къ Господу. Евангеліе говоритъ: «возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ». Истинная любовь къ Богу проявляется въ добрыхъ дѣлахъ и усердномъ исполненіи словъ Господнихъ: «кто знаетъ Мои заповѣди и исполняетъ ихъ, тотъ любитъ Меня».

Отъ вѣры и любви къ Богу происходитъ и обязанность исполнять религіозныя требованія. Внѣшняя сторона религіи, которая состоитъ въ постахъ, посѣщеніи церкви, принятіи св. причастія и пр., должна соблюдаться и исполняться съ чувствомъ смиренія и надежды. «Гдѣ сердце не участвуетъ, тамъ нѣтъ молитвы» (Евангелистъ Матѳей).

Обязанности по отношенію къ самому себѣ.

Обязанности военно-служащаго къ самому себѣ дѣлятся на двѣ главныя категоріи: 1) *обязанности по отношенію къ своему тѣлу* и 2) *обязанности по отношенію къ своей душѣ*.

Обязанности по отношенію къ своему тѣлу.

Первѣйшая обязанность каждаго военно-служащаго — отдать свою жизнь на полѣ сраженія для защиты отечества — требуетъ,

чтобы онъ оберегалъ свое здоровье и развивалъ и укрѣплялъ свое тѣло; иначе онъ не сможетъ выполнить всѣхъ порученій и перенести всѣхъ лишеній, съ которыми связана война и въ частности бой. Для этого онъ долженъ: 1) соблюдать во всемъ *умѣренность*; 2) строго исполнять *гигиеническія правила* и требованія; 3) поддерживать *чистоту*; 4) все держать *въ порядкѣ* и 5) постоянно быть занятымъ *дѣломъ*.

Умѣренность. Умѣренность состоитъ въ воздержаніи отъ всякихъ излишествъ, а въ особенности отъ излишествъ въ выпивкѣ, отъ азартныхъ игръ и отъ злоупотребленія самимъ собою. Военный долженъ быть умѣреннымъ по двумъ причинамъ: 1) потому, что, какъ показываетъ жизнь, *неумѣренность раззоряетъ здоровье* и 2) такъ какъ *неумѣренность наноситъ вредъ умственнымъ способностямъ* и дѣлаетъ человѣка неспособнымъ къ какому бы то ни было энергичному и мужественному дѣйствию.

Неумѣренность въ употребленіи спиртныхъ напитковъ называется *пьянствомъ*; этому пороку противопоставляется *трезвость*. Солдатъ долженъ быть трезвымъ: 1) потому, что пьянство уничтожаетъ его личное достоинство и пятнаетъ честь и мундиръ его части; 2) потому, что въ пьяномъ видѣ военный забываетъ свои служебныя обязанности и не можетъ выполнять никакого, даже самаго легкаго, порученія, и 3) потому, что если пьянъ какойнибудь начальникъ, то онъ подаетъ дурной примѣръ подчиненнымъ и самъ подрываетъ свой престижъ въ ихъ глазахъ.

Пьянство наказуется согласно гл. V, ст. 162 и 163, военно-карательнаго закона.

Военный долженъ оберегаться и отъ увлеченія карточной игрой потому, что эта страсть разрушаетъ его здоровье и можетъ довести его до злоупотребленія ввѣренными ему по службѣ деньгами или матеріалами, а затѣмъ и до военнаго суда.

Другое злоупотребленіе самимъ собою составляетъ *развратъ*, которому противопоставляется *цѣломудріе*. Этотъ порокъ влечетъ за собой весьма тяжелыя послѣдствія: онъ расслабляетъ организмъ, отнимаетъ физическую и умственную силу и можетъ довести каждаго до неспособности исполнять свои обязанности.

Вообще неумѣренность, въ чемъ бы она ни проявлялась, ослабляетъ организмъ и духъ и подготавливаетъ несчастія тому, кто предается ей; умѣренность, наоборотъ, сохраняетъ въ полной силѣ всѣ способности военнотруженика и ведетъ къ тому, что онъ всегда способенъ исполнять свои обязанности, какъ солдатъ и какъ человѣкъ.

Гигиеническій образъ жизни. Какъ уже было сказано, солдатъ долженъ оберегать свое здоровье. Поэтому онъ обязанъ: 1) строго исполнять всѣ гигиеническія правила, которыя предписываются начальникомъ, врачомъ или установленными порядками; 2) какъ только онъ почувствуетъ, что заболѣлъ, не скрывать, а немедленно докладывать своему непосредственному начальнику. Начальники должны слѣдить за тѣмъ, чтобы подчиненные имъ нижніе чины не скрывали своихъ болѣзней и исполняли всѣ правила и совѣты о сохраненіи здоровья; кромѣ того, начальники должны принимать всѣ мѣры для того, чтобы не подвергать опасности здоровье своихъ солдатъ, а сохранять его, насколько это находится въ ихъ власти. Послѣднее требованіе, однако, не должно пониматься очень узко: если бы, въ силу этого требованія, стали избѣгать всякаго вѣтра, дождя, мороза, жары и т. п. явленій или стали бы на маневрахъ располагаться лишь по квартирамъ вмѣсто бивака, солдатъ изнѣжился бы и сдѣлался негоднымъ для условій жизни, въ которыхъ ему придется жить на войнѣ.

Чистота. Гигиеническое правило, которое чаще всего рекомендуется солдату, есть требованіе чистоты. Хорошій солдатъ держитъ себя и свою одежду въ полной чистотѣ. Чистота тѣла есть доказательство самоуваженія; кромѣ того, оно есть одно изъ лучшихъ средствъ сохранить здоровье нижнихъ чиновъ, такъ какъ, при совмѣстной и скученной ихъ жизни, вслѣдствіе нечистоты легко могутъ появляться заразные заболѣванія. Чистота одежды не должна быть только внѣшней; мало пользы ходить въ чистомъ мундирѣ, если подъ нимъ тѣльное бѣлье грязно; мало пользы держать постель въ исправности съ наружной стороны, если подъ натянутымъ одѣяломъ грязная простыня и такъ далѣе. Поэтому, въ опредѣленные дни солдатъ долженъ ходить въ баню и стирать бѣлье; въ свободное время долженъ чистить и чинить свою одежду.

Хорошо, если нижніе чины, не только одѣваются чисто, но и съ извѣстной щеголеватостью.

Порядокъ. Порядокъ требуетъ того, чтобы каждая вещь ставилась на свое мѣсто, чтобы все дѣлалось въ свое время и по установленному способу; порядокъ требуетъ, чтобы военнотружущій находился всегда тамъ, гдѣ слѣдуетъ или приказано быть, и чтобы онъ разумно велъ свои дѣла. Порядокъ есть существенная обязанность солдата въ мирное и военное время. Онъ установленъ самими уставами (казарменный порядокъ — уставомъ внутренней службы, порядокъ въ строю—строевымъ уставомъ, порядокъ въ

караулѣ и на постахъ—уставомъ гарнизонной службы и т. д.). Посредствомъ постоянного требованія согласовывать свои дѣйствія съ установленнымъ порядкомъ, каждый военнотружущій пріобрѣтаетъ навыкъ къ соблюденію порядка и начинаетъ чувствовать въ немъ потребность. Маршалъ Мармонъ ²⁰⁾ говоритъ: *«Любовь къ порядку»* есть одна изъ основъ, безъ которыхъ армія теряетъ внутреннюю связь, не оправдываетъ никакихъ надеждъ и не удовлетворяетъ никакой потребности». И дѣйствительно, если военнотружущій самъ аккуратенъ и любитъ порядокъ, онъ дисциплинированъ; каковъ онъ по отношенію къ мелкимъ требованіямъ установленнаго порядка, такимъ онъ будетъ и во время войны и при болѣе тяжелыхъ условіяхъ.

Трудъ. Физическій трудъ поддерживаетъ и развиваетъ здоровье военнотружущаго; ежедневными занятіями систематически можно создать у солдата привычку трудиться. Большая часть отдѣловъ военнаго обученія нижняго чина требуетъ отъ него физической работы; на первомъ мѣстѣ стоятъ гимнастика и маршировка. *«Трудъ долженъ сдѣлаться второй природой солдата»*, говоритъ маршалъ Мармонъ. Дѣйствительно, въ началѣ трудно привыкнуть къ продолжительной работѣ; но, разъ первыя трудности преодолѣны, работа не только становится легкой, но обращается въ потребность.

Всѣ вышеизложенныя обязанности солдата по отношенію къ своему тѣлу не должны казаться очень мелкими, потому что, укрѣпляя его здоровье, онѣ содѣйствуютъ и его нравственному воспитанію. Соблюденіе цѣлаго ряда обязанностей въ казарменной жизни пріучаетъ солдата къ подчиненію, дѣлаетъ его характеръ болѣе гибкимъ. Въ этомъ именно отношеніи военные педагоги всегда считали поддержаніе порядка и чистоты превосходными средствами для пріученія солдата къ покорности и къ дисциплинѣ. По поводу только что сказаннаго маршалъ Мармонъ говоритъ: *«Солдатъ, одежда котораго нѣсколько запачкана, будетъ биться также хорошо, какъ и тотъ, который одѣтъ совершенно чисто, но первый, какъ менѣе точный въ исполненіи своихъ ежедневныхъ обязанностей, вѣроятно будетъ менѣе послушенъ долгу начальника»*.

²⁰⁾ Мармонъ (1771—1832)—современникъ Наполеона I; участникъ большей части его походовъ и сраженій; возведенъ въ маршальское достоинство за Ваграмское сраженіе. По возвращеніи во Францію Бурбоновъ, Мармонъ былъ нѣкоторое время военнымъ министромъ. Кромѣ практическихъ военныхъ дарованій, Мармонъ обладалъ достоинствами хорошаго теоретика. Его самое выдающееся сочиненіе: *Esprit des institutions militaires*.

Обязанности по отношенію къ своей душѣ.

Какъ главные душевныя способности человѣка, такъ и его обязанности по отношенію къ душѣ дѣлятся на три категоріи: обязанности по отношенію къ уму, обязанности по отношенію къ чувству и обязанности по отношенію къ волѣ. Изъ нихъ рассмотримъ лишь обязанности по отношенію къ уму и волѣ, какъ болѣе важныя съ точки зрѣнія военной. Ихъ особая важность основывается на большомъ значеніи умственныхъ и нравственныхъ силъ въ военномъ дѣлѣ.

Чтобы понять *относительное* значеніе нижеизложенныхъ обязанностей военнoслужащаго по отношенію къ уму и волѣ (характеру), умѣстно было бы упомянуть, что умственныя и нравственныя силы не требуются въ одинаковой степени отъ всѣхъ военныхъ людей. Отъ рядового и близкихъ къ нему начальниковъ требуется больше нравственныхъ силъ (храбрости и терпѣнія, доведенныхъ до самопожертвованія), чѣмъ ума; умственныя ихъ силы остаются на второмъ мѣстѣ. Чѣмъ выше мы идемъ по іерархической лѣстницѣ, тѣмъ все болѣе растутъ требованія сперва нравственныхъ, а затѣмъ и умственныхъ силъ, пока, наконецъ, оба требованія не сравняются; отъ полководца требуется *одинаково* высокій умъ и характеръ, требуется и талантъ, если нѣтъ генія. Все это зависитъ отъ самой природы военнаго дѣла и отъ характера дѣятельности военнoслужащихъ, начиная съ рядового и близкихъ ему начальниковъ и кончая главнокомандующимъ; область дѣйствія первыхъ въ бою болѣе тѣсна; цѣль и средства ихъ—болѣе ограничены, такъ что здѣсь достаточно и обыкновеннаго ума при большихъ нравственныхъ силахъ. Затрудненія растутъ, по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся по іерархической лѣстницѣ: на верху іерархической лѣстницы уже необходимъ болѣе высокій умъ и еще болѣе высокія нравственныя силы. А больше всего затрудненій въ дѣятельности полководца, которому необходимъ талантъ для того, чтобы обезпечить успѣхъ операцій.

Обязанности по отношенію къ уму. Обязанности по отношенію къ уму имѣютъ цѣлью *сохраненіе* умственныхъ способностей и *усовершенствованіе* ихъ.

Первая обязанность по отношенію къ уму есть образованіе. Въ практической жизни эта обязанность заставляетъ каждого *изучать принципы*, на которыхъ зиждется избранная имъ *профессія*.

Военное дѣло, какъ наука и какъ искусство, очень сложно; оно имѣетъ свои принципы и средства, свои сложные матеріальные элементы, свою среду, причины, законы, права, обязанности и мораль. На поле сраженія воюющія стороны должны выйти съ подготовленными средствами и вооруженныя знаніемъ и умѣніемъ. Поэтому на всѣхъ гражданахъ, которыхъ законы страны обязуютъ охранять государство съ оружіемъ въ рукахъ, и на всѣхъ тѣхъ, кто въ постоянныхъ кадрахъ арміи руководить подготовкой населенія къ войнѣ, а во время войны ведетъ его въ бой, лежитъ основная обязанность *хорошо изучить свое дѣло, каждому въ кругу своей дѣятельности*: солдату надо изучить все, чему учать его инструктора, а офицеру—все, что признается необходимымъ для его полного военного образованія и для его спеціальной сферы дѣятельности. Въ каждой правильно организованной арміи существуютъ военно-учебныя заведенія, въ которыхъ даютъ необходимое военное образованіе для разныхъ ступеней военной іерархіи. Кромѣ того, особые уставы и наставленія опредѣляютъ объемъ военного образованія, которое должно быть дано рядовымъ и начальникамъ изъ нижнихъ чиновъ. Независимо отъ того, что каждый начальникъ (какой бы то ни было степени) долженъ хорошо знать свое дѣло, условія веденія боя (замѣна вышедшихъ изъ строя начальниковъ младшими), а также и служба мирнаго времени, вызываютъ нѣкоторое расширеніе этой главной обязанности, а именно: *все начальники должны подготовляться и къ той ближайшей дѣятельности, которая могла бы быть на нихъ возложена*.

Если къ здоровому развитію ума военного человѣка прибавить смѣлость и хладнокровіе, получается хорошая почва для развитія *иниціативы*; инициатива—это *способность рѣшиться дѣйствовать* при новыхъ обстоятельствахъ, когда нѣтъ приказанія свыше, или даже когда приходится отступать отъ приказанія начальника, если обстоятельства того потребуютъ; такое *рѣшеніе* должно имѣть цѣлью предупредить какую нибудь непредвидѣнную опасность, или получить какія нибудь преимущества (выгоды), использовавъ неожиданно наступившій благопріятный случай. Въ современныхъ войнахъ инициатива нисшихъ начальниковъ считается важнымъ условіемъ успѣха въ бою; поэтому *все начальники, а въ особенности высшіе, должны резвивать въ себя, въ кругу своей дѣятельности, духъ инициативы*. Но, какъ видно изъ опредѣленія, инициатива связана съ умомъ и съ волею; она начинается развиваться съ изученіемъ *военныхъ наукъ* и достигаетъ полного развитія вслѣд-

ствіе *долгой практики* на полѣ сраженія, а когда нѣтъ войны—на маневрахъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ казарменной жизни.

Съ другой стороны, нѣтъ человѣческой дѣятельности, въ которой бы въ такой степени и въ столь различныхъ отношеніяхъ игралъ роль слѣпой случай, какъ въ войнѣ; непредвидѣнное и случайное, происходящее вопреки всѣмъ возможнымъ расчетамъ начальника, имѣетъ на войнѣ широкій просторъ. Этотъ фактъ увеличиваетъ неизвѣстность; онъ угрожаетъ на каждомъ шагу и, постоянно вмѣшиваясь въ ходъ военныхъ дѣйствій, становится причиной помраченія умственного ока начальника. Свѣдѣнія о непріятелѣ часто противорѣчатъ одни другимъ; обстановка представляется только въ самыхъ неопредѣленныхъ очертаніяхъ и подвержена быстрымъ и разнообразнымъ измѣненіямъ. Для того, чтобы выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы, полной неизвѣстности, военачальнику нужны: *характеръ, знаніе и глазомѣръ*. Знаніе и глазомѣръ находятся въ связи съ развитіемъ ума, а характеръ—съ развитіемъ воли. Глазомѣръ основывается на прочныхъ *знаніяхъ*; онъ даетъ возможность каждую минуту вѣрно оцѣнивать обстановку, время и мѣстность, что столь необходимо для исполненія всякаго рѣшенія; онъ составляетъ: «тотъ внутренній свѣтъ, который среди мрака неизвѣстности озаряетъ умъ и позволяетъ ему по немногимъ признакамъ открыть тотъ путь, который долженъ привести его къ истинному или наиболѣе соотвѣтственному рѣшенію» (Клаузевиць).

Если значеніе глазомѣра такъ велико для военнаго дѣла, то настолько же велика обязанность каждаго начальника *развивать его въ себѣ*.

Итакъ, развитіе и усовершенствованіе *ума* составляетъ обязанность каждаго начальника—офицера; лишь основательное, *прочное усвоеніе военной науки* дѣлаетъ возможнымъ развитіе инициативы и глазомѣра. Эта обязанность имѣетъ тѣмъ большее значеніе, чѣмъ *выше* іерархическая ступень, на которой стоитъ начальникъ. А для главнокомандующаго, какъ уже было сказано, необходимо еще нѣчто, кромѣ высокаго умственного развитія: ему необходимо *талантъ*. Военная исторія убѣдительношимъ образомъ доказываетъ, что талантъ главнокомандующаго имѣлъ всегда огромное вліяніе на развитіе и исходъ сраженій и войнъ.

Вотъ эта обязанность требуетъ отъ всѣхъ, но больше всего отъ высшихъ начальниковъ, чтобы они слѣдили *за развитіемъ военной науки и военнаго искусства и сами не отставали отъ* этого развитія. Лишь просвѣщая такимъ образомъ свой умъ, они смогутъ

развить въ себѣ здравый смыслъ и избавиться отъ заблужденій, за которыя дорого пришлось бы расплачиваться во время сраженія ихъ части, всей арміи, а иногда и всему государству. Очень трудно сорвать побѣдные лавры посредственнымъ и невѣжественнымъ военачальникамъ.

Жомини ²¹⁾ справедливо говорить: «горе тѣмъ военнымъ людямъ и народамъ, которые смотрятъ на военную науку, какъ на излишній грузъ, которые не признаютъ ея значенія; они будутъ принуждены изучить ее, если только не будетъ уже поздно».

Образованіе и здравый смыслъ ведутъ къ *благоразумію*, къ добродѣтели, при которой человекъ прежде, чѣмъ дѣйствовать, обдумываетъ что ему дѣлать.

Благоразуміе совѣтуетъ отдавать предпочтеніе большему благу передъ меньшимъ и меньшему злу передъ большимъ; переносить лишенія, которыя навѣрное приводятъ къ добру; отказываться отъ минутныхъ удовольствій и пріобрѣтеній, которыя ведутъ къ дурнымъ послѣдствіямъ. Послѣдній совѣтъ благоразумія долженъ быть болѣе всего памятнымъ неопытнымъ въ жизни молодымъ людямъ.

Другая обязанность каждаго по отношенію къ уму—*говорить правду* (любовь къ истинѣ). Умъ данъ человеку для того, чтобы черезъ него узнавать истину и выражать ее. Всегда говорить правду — есть добродѣтель, называемая *правдивостью*, *искренностью*, а говорить неправду — порокъ, называемый *ложью*.

Ложь — поступокъ всегда низкій, хотя бы поводомъ для нея служили желанія нанести вредъ кому-нибудь, избѣжать наказанія, выиграть что нибудь и т. п. Ложь одинаково отвратительна и тогда, когда она сказана спокойно, и тогда, когда она произнесена съ ласко-

²¹⁾ *Жомини* (1779—1869 г.)—генералъ французской пѣхоты, родился въ Швейцаріи. Онъ съ увлеченіемъ изучалъ войны Фридриха Великаго и шагъ за шагомъ слѣдилъ за успѣхами молодого генерала Бонапарта. Цѣль его была — открыть основы военнаго искусства. Наконецъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что это искусство опирается на основныя начала, которыя легко можно формулировать. Жомини участвовалъ въ первыхъ войнахъ французской имперіи, а въ 1813 году перешелъ на русскую службу. Онъ принималъ участіе въ созданіи русской академіи генеральнаго штаба. Особенно замѣчательна его военно-литературная дѣятельность по исторіи и по теоріи военнаго искусства. Какъ историкъ онъ является самымъ проникательнымъ толкователемъ Фридриха, а въ особенности Наполеона; какъ теоретикъ, онъ внесъ порядокъ въ тогдашній хаосъ въ стратегіи: упростилъ ея принципы и сдѣлалъ ихъ доступными для всѣхъ. Его капитальные труды: *Traité des grandes opérations militaires*, цѣлью котораго было доказать важность научныхъ принциповъ и необходимость существованія военной науки; *Précis de l'art de la guerre*, въ которомъ сводятся въ одно цѣлое, въ одну науку—стратегію, формулированныя имъ стратегическія принципы.

вой улыбкой, но съ глубокой злобой въ душѣ. Лжець не только обманываетъ другихъ, но онъ способенъ обманывать даже самого себя, употребляя софизмы для того, чтобы заглушить голосъ своей совѣсти, или стараясь убѣдить самого себя, будто онъ дѣйствуетъ изъ хорошихъ побужденій, хотя, на самомъ дѣлѣ, онъ руководствуется страхомъ предъ наказаніемъ или какимъ-нибудь другимъ эгоистическимъ мотивомъ. «Тотъ, кто говоритъ ложь, менѣе человѣкъ, чѣмъ сами призраки», говоритъ одинъ моралистъ. *Ложь подрываетъ взаимное довѣріе*, а такъ какъ въ арміи взаимное довѣріе служитъ духовной связью, а слѣдовательно и источникомъ могущества и залогомъ боевыхъ успѣховъ, то ясно, что ложь, противъ кого бы она ни была направлена—противъ равнаго, товарища, подчиненнаго или начальника—нетерпима въ военной средѣ. Только тогда, когда объ истинѣ слѣдуетъ умолчать съ цѣлью выполнить нѣкоторую высшую обязанность, поступокъ можно не считать предосудительнымъ. Такъ, на примѣръ, если солдатъ попалъ въ плѣнъ, онъ не долженъ говорить правды о расположеніи арміи, къ которой онъ принадлежитъ, если онъ даже знаетъ его; потому что очень возможно, что противникъ воспользуется его вѣрными свѣдѣніями и нанесетъ пораженіе. Говоря правду въ данномъ случаѣ, солдатъ нарушилъ бы другую высшую обязанность—охранять свое отечество. Но когда ложь направлена ко злу или есть *признакъ малодушія*, она—порокъ и, какъ таковой, должна быть строго преслѣдуема въ военной средѣ.

Ложь вообще унизительна для достоинства человѣка, но еще болѣе унизительна та ложь, которая называется *клятвoprеступленіемъ*. Это большое и страшное преступленіе для каждаго военнаго, потому что приводитъ его къ попраціи вѣрности тому, что онъ присягалъ защищать даже цѣною собственной крови, т. е. Царю и Отечеству.

Обязанности по отношенію къ волю. Мало схватить своимъ разумомъ то, что намъ повелѣваетъ долгъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, необходимо еще имѣть *сильную волю*, чтобы дѣйствовать. Изъ этого слѣдуетъ, что *человѣкъ долженъ развивать и свою волю*, т. е. развивать такъ называемыя *добродѣтели характера*.

Одна изъ важнѣйшихъ обязанностей по отношенію къ волѣ—есть *мужество*. Оно зависитъ въ нѣкоторой степени отъ физическихъ причинъ. Хотя тѣлесная сила увеличиваетъ мужество,

но ея недостаточно для его существованія. Мужество — есть слѣдствіе еще и душевнаго спокойствія и разсудительности, а больше всего — *сильной воли*.

Мужество бываетъ разныхъ видовъ: *храбрость, смѣлость, рѣшительность, хладнокровіе, присутствіе духа и терпѣніе*. Война — есть царство опасностей, лишеній, страданій и непрерывныхъ усилій; очевидно, для того, чтобы не быть подавленнымъ этими губительными вліяніями, а преодолѣть ихъ, каждый военный долженъ обладать одновременно большими физическими и моральными силами — природными и приобретенными; иными словами, *надо быть: мужественнымъ, храбрымъ, смѣлымъ, рѣшительнымъ, хладнокровнымъ и терпѣливымъ*. Поэтому эти обязанности могутъ быть названы обязанностями военныхъ въ бою.

Солдатъ обязанъ быть храбрымъ. Мужество, проявленное въ презрѣніи къ смерти во время боя, въ стремительности и въ натискѣ при нападеніи на врага, называется храбростью (неустранимостью, безстрашіемъ). *Храбрость* — одна изъ первыхъ добродѣтелей солдата; она ему болѣе, чѣмъ необходима, потому что въ бою его жизнь находится въ постоянной опасности; она ему нужна, какъ при непосредственномъ столкновеніи съ противникомъ, особенно въ штыковомъ бою, такъ и вездѣ, гдѣ нужно преодолѣть какое бы то ни было препятствіе съ опасностью для жизни. Храбрость можетъ происходить или отъ полного равнодушія къ опасностямъ, вслѣдствіе особенностей темперамента, вслѣдствіе презрѣнія къ жизни и ея благамъ или вслѣдствіе приобретеннаго *навыка*, или же отъ дѣйствія другихъ мотивовъ, каковы чувства: гнѣва, честолюбія, славолюбія, патріотизма, религіознаго фанатизма и др. Когда храбрость происходитъ отъ перваго вида причинъ, она болѣе прочна и болѣе надежна, такъ какъ сдѣлалась второй природой человѣка; когда же она является результатомъ втораго вида причинъ, она быстро проходитъ и не такъ прочна; наконецъ, когда храбрость происходитъ и отъ тѣхъ и отъ другихъ причинъ, она болѣе совершенна и надежна.

При современномъ скорострѣльномъ и усовершенствованномъ оружіи потери атакующаго, особенно въ послѣднія минуты наступленія, бывають поразительно велики. Такія огромныя потери, особенно когда онѣ происходятъ въ теченіе лишь нѣсколькихъ минутъ, въ состояніи внести въ душу ужасъ и трепеть. Вотъ почему въ рѣшительныя минуты атаки долгъ повелѣваетъ каждому военному хранить хладнокровіе и не бояться смерти, а начальникамъ,

кромѣ того, повелѣваетъ исполнять съ достоинствомъ свой долгъ, подавая личный примѣръ подчиненнымъ.

Такъ какъ храбрость проявляется въ непосредственной матеріальной борьбѣ, можно было бы подумать, что она нужна больше тѣмъ, кто непосредственно дѣйствуетъ въ этой борьбѣ; но это было бы очень ошибочно. Чѣмъ выше по іерархической лѣстницѣ стоитъ начальникъ, тѣмъ болѣе ему нужна не физическая храбрость, а душевная смѣлость, которая въ случаѣ надобности могла бы заставить его проявить и физическую храбрость и даже пожертвовать собою. Таковъ, напримѣръ, случай, когда начальникъ, чтобы сломить появившееся вдругъ непреодолимое препятствіе, бросается во главѣ своихъ солдатъ въ мѣсто самой большой опасности и увлекаетъ ихъ своимъ личнымъ примѣромъ; самъ умираетъ, но одерживаетъ побѣду.

Нельзя назвать храбрымъ того, кто боится опасности въ бою или гдѣ бы то ни было. Такъ солдатъ, который во время боя покидаетъ строй безъ разрѣшенія или ищетъ причину, чтобы удалиться—трусъ; съ такимъ трусомъ каждый начальникъ долженъ своевременно сосчитаться, пока другіе не заразились его дурнымъ примѣромъ.

Однако, нельзя смѣшивать храбрость съ безмысленнымъ нарушеніемъ совѣтовъ военнаго искусства. Преждевременно нанесенный, вслѣдствіе нетерпѣнія, ударъ, какъ бы храбро ни былъ онъ нанесенъ, не приведетъ къ желанному результату, если противникъ не былъ раньше разстроенъ огнемъ; точно также, безмысленное подставленіе себя подъ непріятельскія пули, когда оно не приводитъ къ цѣли боя, является неумѣстной храбростью, съ какимъ бы презрѣніемъ къ смерти оно ни было совершено.

Солдатъ долженъ быть смѣлъ и рѣшителенъ. Храбрость тѣсно связана со смѣлостью и рѣшительностью; можно даже сказать, что безъ нихъ не можетъ быть настоящей храбрости. *Смѣлость есть внутренняя сила, которая заставляетъ насъ предпринимать или доводитъ до конца дѣйствія, связанныя съ опасностью; смѣлость—это мужество, которое быстро и безъ колебанія встрѣчаетъ опасность или принимаетъ на себя отвѣтственность.* Смѣлость зиждется на сильномъ духѣ, на сильной и непоколебимой волѣ, и поэтому она поддерживаетъ храбрость; она—сила, которая поднимаетъ человѣческую душу выше самыхъ грозныхъ опасностей. Ея любимѣйшая сфера—война; тамъ же болѣе, чѣмъ гдѣ либо, она и нужна человѣку.

Смѣлость есть самое лучшее украшеніе каждаго военнаго — отъ генерала до послѣдняго солдата. На войнѣ и въ бою, при равныхъ условіяхъ въ другихъ отношеніяхъ, побѣда остается за болѣе смѣлыми; иначе и быть не можетъ, потому что страхъ парализуетъ силы трусливаго и дѣлаетъ его неспособнымъ устоять противъ смѣлаго. Кромѣ того, можно считать несомнѣннымъ, что, при одинаковомъ знаніи дѣла, боязливость во время войны и въ бою можетъ оказаться въ сто разъ болѣе вредной, чѣмъ смѣлость. Смѣлость подчиненныхъ, даже доведенная до высокой степени, никогда не повредитъ дѣлу, такъ какъ начальникъ всегда сможетъ удержать такихъ подчиненныхъ въ своихъ рукахъ посредствомъ строевыхъ порядковъ и служебныхъ обязанностей и отношеній; смѣлость въ данномъ случаѣ, какъ упругая сила, будетъ всегда наготовѣ начать свое дѣйствіе, какъ только начальникъ пожелаетъ. Даже сама *дерзость*, т. е. безцѣльная смѣлость, не всегда оказывается лишней въ военномъ дѣлѣ; она по своей сущности есть душевная сила, только проявляемая безъ участія ума. Заслуживаетъ порицанія и преслѣдованія лишь такая дерзость, которая переходитъ черезъ границы подчиненія; но она должна преслѣдоваться не сама по себѣ, а лишь для того, чтобы предупредить дальнѣйшія нарушенія основной обязанности солдата — подчиненія.

Однако, чѣмъ выше мы поднимаемся по іерархической лѣстницѣ, тѣмъ необходимѣе становится *духовная смѣлость*, т. е. такая смѣлость, которая, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, принимаетъ и исполняетъ съ наибольшей энергіей рѣшенія, отъ которыхъ можетъ быть зависить судьба всей арміи; принимаетъ на себя отвѣтственность за эти рѣшенія и руководится исключительно поставленной цѣлью и хорошимъ пониманіемъ обстановки. Вотъ почему начальники, а въ особенности высшіе, должны развивать въ себѣ подобную смѣлость.

Но духовная смѣлость высшихъ начальниковъ *должна непременно сопровождаться и высоко развитымъ умомъ*: иначе она будетъ слѣпой. Гармоническое сочетаніе высокаго ума съ духовной смѣлостью тѣмъ цѣннѣе и заслуживаетъ тѣмъ большаго удивленія, чѣмъ выше стоитъ начальникъ, у котораго она проявляется. «Смѣлость, направляемая высокоозареннымъ умомъ, возвышаетъ начальника и дѣлаетъ изъ него истиннаго героя. Эта разумная смѣлость не имѣетъ ничего общаго съ рискомъ; наоборотъ, она служитъ опорой всѣхъ расчетовъ высшаго начальника, которые часто оказываются результатомъ сужденій, протекающихъ съ быстротою

молніи. Чѣмъ выше на своихъ крыльяхъ смѣлость поднимаетъ духъ и сужденія начальника, тѣмъ обширнѣе будетъ кругозоръ послѣдняго и тѣмъ болѣе успѣхъ будетъ обезпеченъ». (Клаузевиць).

Желательно только, чтобы *умъ и духовная смѣлость* (или какъ еще говорятъ—*характеръ*) *находились въ равновѣсїи*. «У полководца, какъ у квадрата, основаніе (духовная смѣлость—характеръ) и высота (умъ) должны быть равны. Если духовная смѣлость у генерала беретъ верхъ, онъ будетъ ошибаться въ своихъ рѣшеніяхъ, когда предпріятія стоятъ выше его ума, и, наоборотъ, если его духовная смѣлость не отвѣчаетъ его уму, онъ не будетъ смѣть выполнять свои рѣшенія» (Наполеонъ). Если же приходится допустить неравенство между этими важными сторонами души военачальника, предпочтительнѣе, чтобы духовная смѣлость (характеръ) превосходила умъ ²²); хотя въ такомъ случаѣ начальникъ, вслѣдствіе излишней смѣлости, и можетъ надѣлать ошибокъ, эти ошибки все же будутъ предпочтительнѣе всякихъ другихъ ошибокъ; лучше ошибаться отъ излишней смѣлости, чѣмъ вслѣдствіе боязни.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что *глубокомысліе и высокій умъ* иногда дѣйствуютъ *подавляющимъ образомъ* на смѣлость и приводятъ къ нерѣшительности. Въ зависимости отъ этого смѣлость убываетъ вмѣстѣ съ переходомъ отъ молодости къ болѣе преклонному возрасту. Вотъ почему въ дѣйствующихъ арміяхъ съ молодымъ начальническимъ персоналомъ проявляется больше смѣлости, чѣмъ въ резервныхъ арміяхъ и въ народномъ ополченіи. Часто же смѣлость убываетъ также по мѣрѣ поднятія по іерархической лѣстницѣ, быть можетъ, подъ напоромъ сознанія огромной отвѣтственности, которая падаетъ на начальника за послѣдствія отъ cadaго его

²²) По этому вопросу маршалъ Мармонъ въ своемъ трудѣ «*Esprit des institutions militaires*» стр. 265 говоритъ такъ: «Если выразить каждую изъ этихъ способностей цифрами, я бы предпочелъ генерала, умъ котораго равняется 5, а характеръ—10, другому (генералу) съ умомъ, равнымъ 15, а характеромъ—8. Если характеръ имѣетъ извѣстный перевѣсъ надъ умомъ, а послѣдній отличается извѣстной глубиной, человѣкъ идетъ къ опредѣленной цѣли и имѣетъ шансы достигнуть ея. Если же умъ беретъ верхъ надъ характеромъ, порождаются частыя перемѣны въ намѣреніяхъ, предположеніяхъ и направленіяхъ, потому что обширный умъ ежеминутно склоненъ разсматривать вопросъ съ новой точки зрѣнія. А разъ сила воли не способна положить конецъ колебаніямъ, неизбежно наступаетъ какъ бы равновѣсіе между разными рѣшеніями и даже вовсе не принимается никакого рѣшенія (что самое худшее); такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы приближаться къ цѣли, человѣкъ отвлекается нерѣшительностью все дальше и дальше отъ нея, пока наконецъ совсѣмъ не занугается».

рѣшенія и дѣйствія. Исторія свидѣтельствуетъ, что почти всѣ нерѣшительные полководцы на нисшихъ ступеняхъ отличались смѣлостью и рѣшительностью. А такъ какъ важность принимаемыхъ рѣшеній тѣмъ больше, чѣмъ шире область (тактическая или стратегическая) ихъ приложенія, становится яснымъ, на сколько необходимо, чтобы высокій умъ начальника служилъ его духовной смѣлости поддержкой, а не помѣхой.

Способность быстро принимать рѣшенія называется рѣшительностью. Рѣшительность настолько тѣсно связана со смѣлостью, что трудно отдѣлить ихъ одну отъ другой. Рѣшительность немислима безъ духовной смѣлости: способность быстро, почти моментально, принимать рѣшенія даже при такихъ условіяхъ, при которыхъ обыкновенный умъ могъ бы рѣшиться дѣйствовать лишь послѣ долгаго обсужденія, зиждется на духовной смѣлости. Конечно, какъ бы ни была воля способна принимать быстрыя рѣшенія, т. е. проявлять рѣшительность, все же умъ вмѣшивается, обсуждаетъ; только это обсужденіе продолжается совсѣмъ не долго, а иногда происходитъ съ неимовѣрной быстротой. Здѣсь опять надо бы замѣтить, что умъ самъ по себѣ не въ состояніи сдѣлать человѣка рѣшительнымъ; часто высокій умъ мѣшаетъ волѣ принять быстрое рѣшеніе, и поэтому встрѣчаются люди очень глубокомысленные, но у которыхъ совершенно отсутствуетъ рѣшительность; этотъ фактъ былъ уже выше отмѣченъ. Разъ умъ разбудилъ въ человѣкѣ *духовную смѣлость*, надо, чтобы послѣдняя никогда его больше не покидала; лишь тогда она ему поможетъ рѣшаться быстро и безъ колебаній въ критическую минуту.

Каждому военному необходимо *развить въ себѣ рѣшительность*; эта необходимость налагается на него больше всего его боевой дѣятельностью. На важность этого душевнаго качества для начальниковъ всѣхъ степеней указывалъ Наполеонъ; онъ говорилъ: «нѣтъ ничего труднѣе, но и ничего нѣтъ важнѣе умѣнья принимать рѣшенія; истинная мудрость полководца сказывается въ умѣньѣ принимать энергичныя рѣшенія». *Нерѣшительность во время войны и въ бою—это самый большой недостатокъ начальника*, особенно, когда противникъ близко. Не теряя по-пусту времени на долгія и бесплодныя обсужденія, надо тотчасъ принять какое бы то ни было рѣшеніе. Можетъ быть, оно не будетъ наилучшимъ; важно—принять его, а затѣмъ—энергично выполнить.

Для исполненія принятаго рѣшенія нужно *постоянство*; безъ него нельзя довести до конца начатаго дѣла. Если постоянство

переходить, напимѣръ во время войны, черезъ крайнія свои границы, оно превращается въ упорство. Всѣ цѣнные успѣхи славныхъ битвъ достигались лишь путемъ невыразимыхъ усилій, трудовъ и жертвъ; ясно поэтому, насколько постоянство, котораго требуетъ война отъ военныхъ людей, приближается или *даже совпадаетъ съ упорствомъ въ преслѣдованіи поставленной цѣли*. Какъ разъ такое именно постоянство заставляетъ военнаго человѣка смѣло бороться съ препятствіями и непоколебимо противостоять жестокимъ ударамъ; оно толкаетъ его опять идти въ атаку; послѣ неудачной первой атаки, оно побуждаетъ упавшаго опять подняться и бороться все съ той же несокрушимой силой воли; это, наконецъ, то самое постоянство, которое приводитъ къ вѣнцу всякой военной дѣятельности—къ самопожертвованію и героизму.

Каждый воинъ долженъ быть хладнокровнымъ. Кромѣ того, что солдатъ долженъ быть храбрымъ, особенно въ извѣстные моменты, онъ долженъ во время боя *владѣть* собою, постоянно быть внимательнымъ къ *голосу* своихъ начальниковъ и безъ колебанія исполнять каждое приказаніе, т. е. онъ долженъ сохранять хладнокровіе. Хладнокровіе—есть проявленіе мужества и состоитъ въ сохраненіи полнаго спокойствія и самообладанія передъ лицомъ *внезапныхъ* или *продолжительныхъ опасностей*. Хладнокровіе даетъ человѣку способность распоряжаться и дѣйствовать правильно. Образуя противовѣсъ сильнымъ волненіямъ страха, хладнокровіе въ минуты опасности даетъ человѣку возможность не терять сознанія своего человѣческаго достоинства и не выходить изъ равновѣсія даже подъ вліяніемъ самыхъ сильныхъ впечатлѣній и мучительныхъ волненій страха, дѣйствуя и тогда, какъ существо, одаренное умомъ. Хладнокровіе есть доказательство сильнаго духа, который даетъ возможность при всѣхъ обстоятельствахъ оставаться господиномъ самого себя; во время сильнаго волненія сердца хладнокровный человѣкъ подчиняется разуму и руководствуется его совѣтами точно также, какъ магнитная стрѣлка подчиняется своимъ физическимъ свойствамъ и среди взволнованнаго моря. *Начальникамъ* хладнокровіе еще болѣе необходимо, чѣмъ простымъ солдатамъ, потому что они *управляютъ* другими.

Если хладнокровіе проявляется при случайныхъ и неожиданныхъ условіяхъ и сопровождается *быстрой сообразительностью и такой же быстрой распорядительностью*, то оно называется *присутствіемъ духа*. Присутствіе духа содержитъ въ

себѣ элементы, которые его приближаютъ къ рѣшительности. Качество это необходимо каждому военному, какъ оружіе противъ внезапностей, случайностей, играющихъ большую роль на войнѣ и въ бою. Намъ всегда удивляетъ умѣстный отвѣтъ на какой-нибудь неожиданный вопросъ; точно также намъ удивляютъ быстро принятыя мѣры противъ внезапной опасности. Нѣтъ необходимости, чтобы отвѣтъ или принятая мѣра были чѣмъ нибудь изъ ряда вонъ выходящимъ; достаточно, если они болѣе или менѣе отвѣчаютъ обстоятельствамъ. Если же отвѣтъ или принятая мѣра являются результатомъ долгаго обсужденія, то они не произведутъ на насъ особаго впечатлѣнія. Быстрая сообразительность, свойственная присутствію духа, является какъ бы мгновенной поддержкой со стороны ума. Въ однихъ случаяхъ присутствіе духа можетъ зависѣть болѣе отъ свойствъ ума, а въ другихъ — отъ равновѣсія духа; какъ тотъ, такъ и другой источникъ важны для военнаго, но послѣдній изъ нихъ надо считать болѣе важнымъ. Мѣткій отвѣтъ есть скорѣе плодъ остроумія, тогда какъ принятая въ минуту внезапной опасности правильная мѣра есть плодъ скорѣе равновѣсія духа.

Военный долженъ быть терпѣливъ. Терпѣніе есть тоже видъ мужества; оно есть мужество продолжительное, постоянное, которое можетъ быть даже труднѣе, чѣмъ другіе его болѣе скоропреходящія виды. Оно состоитъ въ безропотномъ перенесеніи тягостей и страданій душевныхъ и тѣлесныхъ, отъ какой бы они причины ни происходили, и находитъ поддержку въ постоянствѣ воли. Для солдата терпѣніе есть одна изъ первыхъ добродѣтелей, потому что обстоятельства, которыя потребуютъ отъ него продолжительнаго терпѣнія, встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ обстоятельства, которыя потребуютъ отъ него проявленія какого нибудь другого вида мужества. Голодь, холодъ, жара, продолжительные и изнурительные переходы, сраженія, страданія отъ ранъ, другихъ увѣчій или отъ болѣзней—вотъ ужасные спутники солдата во время войны и боя. Только при неимовѣрномъ терпѣніи можно переносить всѣ эти физическія и душевныя муки; лишь съ такимъ терпѣніемъ, поддерживаемымъ неистощимымъ постоянствомъ, можно выигрывать сраженія и побѣдоносно кончать войны.

Изъ опредѣленія разныхъ видовъ мужества усматривается, насколько солдату необходимы: храбрость, смѣлость въ присутствіи опасности и хладнокровіе въ критическія минуты и подъ градомъ непріятельскихъ пуль. Можно сказать, что въ нынѣшнихъ сраже-

ніяхъ хладнокровіе необходимо каждому бойцу болѣе, чѣмъ въ прежнихъ. Теперь солдатъ находится въ продолженіе многихъ часовъ подъ убійственнымъ огнемъ; опасность отъ огня непріятеля при современномъ оружіи какъ при атакѣ, такъ и при оборонѣ, начинается съ большихъ разстояній. Въ какой бы формѣ ни проявлялось мужество солдата, оно всегда одинаково по существу: оно есть *сильная воля*, которая позволяетъ солдату сохранять власть надъ собой и даетъ ему возможность противостоять препятствіямъ и опасностямъ; откуда бы они ни шли.

Когда мужество, въ видѣ храбрости, смѣлости, хладнокровія или терпѣнія, проявляется въ дѣлахъ высокой преданности долгу, которыя вмѣстѣ съ именами ихъ совершителей заслуживаютъ быть переданными потомству, оно называется *геройствомъ*.

Малодушіе есть противоположность мужества. Оно позоритъ военнотружашаго, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось: въ формѣ ли *страха, нерѣшительности, неспокойствія, потери присутствія духа*, или, наконецъ, *неперенесенія* мукъ и лишеній въ мирное и военное время. Малодушіе предполагаетъ *слабую волю*. Для начальника особенно недостойно быть малодушнымъ: оно подрываетъ его достоинство и престижъ и убиваетъ довѣріе къ нему его подчиненныхъ.

За проявленіе малодушія въ бою болгарскій военно-карательный законъ предусматриваетъ смертную казнь, а дисциплинарный уставъ освобождаетъ начальника отъ отвѣтственности, если онъ во время боя убьетъ или ранитъ подчиненнаго, который обратился въ бѣгство и распространяетъ страхъ и беспорядокъ между другими.

Точное и добросовѣстное исполненіе служебныхъ обязанностей составляетъ долгъ cadaго военнотружашаго. Начальникамъ всѣхъ степеней, отъ отдѣленнаго командира до высшей должности въ арміи, всѣмъ лицамъ, занимающимъ спеціальную должность или назначеніе: (писаря, каштенармуса, артельщика, завѣдующаго обозомъ или конюшней, казначея, адъютанта и проч.), а также каждому должностному лицу, исполняющему какой-нибудь служебный нарядъ (дежурному, дневальному, караульному), присвоены извѣстныя, опредѣленныя военными постановленіями, функціи. Эти функціи тѣсно связаны съ жизнью военного организма и отъ ихъ точнаго и добросовѣстнаго исполненія со стороны лицъ, на которыхъ онѣ возложены, зависитъ правильная, цѣлесообразная жизнь этого организма, а также прогрессъ послѣдняго въ отношеніи его боевой готовности.

Недобросовѣстное и неточное исполненіе служебныхъ обязанностей оказываетъ разрушительное вліяніе на войска, такъ какъ черезъ него распространяется убѣжденіе, что военные законы и обязанности не такъ ненарушимы, какъ о томъ проповѣдуютъ, и что каждый можетъ обойти ихъ, если только сумѣетъ все сдѣлать такъ гладко съ внѣшней стороны, что его никто не увидитъ. Подобное неисполненіе служебныхъ обязанностей ведетъ къ упадку дисциплины со всѣми гибельными его послѣдствіями. Во время войны будетъ уже некогда создавать драгоценный навѣкъ точнаго и добросовѣстнаго исполненія служебныхъ обязанностей и будетъ уже некогда исправлять вредъ прежняго ихъ недобросовѣстнаго исполненія. Во время войны, солдатъ, независимо отъ его званія и чина, остается такимъ, какимъ онъ былъ до нея: недобросовѣстный въ исполненіи служебныхъ обязанностей въ мирное время будетъ малодушенъ и въ виду непріятеля.

Добросовѣстное исполненіе служебныхъ обязанностей требуетъ отъ начальника или должностнаго лица, чтобы онъ: 1) *своевременно распорядился* и 2) *держался въ законномъ кругу своихъ обязанностей*. Неисполненіе перваго пункта называется *бездѣйствіемъ*, а неисполненіе втораго — *превышеніемъ власти*.

Бездѣйствіе предполагаетъ нетвердое знаніе и отсутствіе инициативы. Какъ въ мирной, такъ и въ боевой жизни войскъ, бездѣйствовать, когда надо воспользоваться выгоднымъ моментомъ или устранить занесенную надъ головами опасность, одинаково преступно; бездѣйствіе начальниковъ всегда вредно, а часто бываетъ и гибельно. Поэтому болгарскій военно-карательный законъ разъясняетъ, что именно надлежитъ считать бездѣйствіемъ и предусматриваетъ наказанія за бездѣйствіе начальника.

Такъ тамъ указаны наказанія, налагаемыя на такихъ небрежныхъ и нерадивыхъ начальниковъ, которые не сообщили полученныхъ важныхъ свѣдѣній о движеніяхъ и намѣреніяхъ непріятеля, или не приняли мѣръ для задержанія (въ виду непріятеля) бѣгущихъ и распространяющихъ смуту и страхъ, не заставили непокорныхъ пойти противъ непріятеля, или не оберегли свою часть отъ неожиданныхъ нападений противника.

За *превышеніе власти* во время управленія подчиненными или при исполненіи служебныхъ обязанностей начальникъ подвергается наказаніямъ, указаннымъ въ военно-карательномъ законѣ; тотъ же законъ разъясняетъ какія дѣйствія считать и какія не считать за превышеніе власти.